

Секция «Иностранные языки и регионоведение»

Сопоставительный анализ разноязычных вариантов повести Владимира Набокова "Другие берега".

Губина Вероника Васильевна

Студент

УдГУ, филологический, Ижевск, Россия

E-mail: gubinaveronika@mail.ru

Многоязычное творчество писателя Владимира Набокова обуславливает активный интерес к его произведениям со стороны исследователей в области теории перевода. Особого внимания заслуживает цепочка разноязычных вариантов его автобиографической повести «Другие берега».

Ее изначальный вариант увидел свет в 1951 году под названием «Conclusive Evidence». В 1954 году повесть появилась на русском языке («Другие берега») [1], а в 1966 году - вновь на английском («Speak, memory») [2]. Позднее последняя версия была переведена на русский язык переводчиком Сергеем Борисовичем Ильиным и вышла под титулом «Память, говори» [3].

Данные тексты представляют уникальный пример адаптации текста при переходе повествования в сферу функционирования другого языка. Последовательное пофразное сопоставление текстов выявило переводческие трансформации, произведенные при переводе.

Одним из видов выявленных преобразований являются лексико-семантические трансформации - опущения, добавления и замены.

В. Набоков «Другие берега»:

Ближе к ним - к этим гипнотическим увеселениям, о которых идет неприятная речь, - можно пожалуй поставить красочную во мраке рану продленного впечатления, которую наносит, прежде чем пасть, свет только что отсеченной лампы. У меня вырастали из рубиновых оптических стигматов Рубенсы, и Рембрандты, и целые пылающие города.

V. Nabokov «Speak, memory»:

Perhaps nearer to the hypnagogic mirages I am thinking of is the colored spot, the stab of an afterimage, with which the lamp one has just turned off wounds the palpebral night.

В.Набоков «Память, говори» в переводе С.Б.Ильина:

Ближе к ним, к этим гипнотическим миражам, о которых идет речь, красочная рана продленного впечатления, которую наносит, прежде чем пасть, свет только что отсеченной лампы.

Не все составляющие приведенного фрагмента текста «Другие берега» имеют прямые соответствия в тексте перевода:

- элемент «увеселениям» переведен автором как *mirages* (миражам);
- предикативная единица «идет речь» имеет эквивалент *I am thinking* (я думаю);
- элемент *во мраке* имеет соответствие *night* (ночь);
- элемент *отсеченной* переведен как *turned off* (выключенной).

Здесь мы видим также элементы, опущенные в англоязычном переводе: *к ним, этим, неприятная, можно пожалуй поставить, во, прежде чем пасть, свет, У меня*

вырастали из рубиновых оптических стигматов и Рубенсы, и Рембрандты, и целые пылающие города.

В свою очередь, и в тексте перевода мы находим элементы, которые отсутствуют в оригинале, то есть добавленные в текст в процессе перевода: *perhaps, spot, palpebral*.

Аналогичный анализ был произведен между текстами «Speak, memory» и «Память, говори». В результате также были выявлены добавленные и опущенные элементы и не прямые переводческие эквиваленты.

В ряде случаев изменения, которые текст претерпел в процессе перевода на русский язык, являются возвратом к варианту «Другие берега», а не собственно переводом англоязычного текста.

Так, в рассматриваемом примере при переводе на английский язык среди прочих элементов В.Набоков исключает элементы *этим* и *прежде, чем настать*. В переводе С.Б. Ильина мы видим их вновь. В добавление к этому, не прямой авторский перевод, или, говоря иначе, замена элемента *I am thinking* («Другие берега») на *идет речь* в тексте С.Б. Ильина возвращает нас к варианту *идет речь* из «Других берегов».

Говоря точнее, в 52% случаев переводчик С.Б. Ильин следует за структурой русскоязычного текста, отходя от прямого перевода англоязычного текста.

Сам факт обращения переводчика к уже существующему русскоязычному переводу дает возможность задаться вопросом, насколько содержательно и структурально близки два русскоязычных текста.

В ходе сопоставительного анализа было выявлено, что степень их идентичности составляет 32,4 %. Другие 67,6% от объема текста «Память, говори» представляют собой результат переводческих трансформаций - опущений, добавлений и замен, произведенных относительно текста «Другие берега».

Произведенные переводчиком замены были рассмотрены на предмет их обоснованности следованием за англоязычным текстом, например:

В.Набоков «Другие берега»:

Они подчас уродливы: привяжется, бывало, средневековый, грубый профиль, распаленный вином карл, нагло растущее ухо или нехорошая ноздря.

V. Nabokov «Speak, Memory»:

They are often grotesque. I am pestered by roguish profiles, by some coarse-featured and florid dwarf with a swelling nostril or ear.

В.Набоков «Память, говори» в переводе С.Б.Ильина:

Они подчас уродливы: привяжется, бывало, жуликоватый профиль, какой-нибудь красномордый карл с раздутым ухом или ноздрей.

либо работой переводчика как автора. В этом случае преобразования анализировались с точки зрения их семантической идентичности, от которой автор отходит. Например:

В.Набоков «Другие берега»:

Я встречаюсь с ними без удивления, в местах и обстановке, в которых они никогда не бывали при жизни - например, в доме у человека, с которым я познакомился только потом.

V. Nabokov «Speak, Memory»:

I am aware of them, without any astonishment, in surroundings they never visited during their earthly existence, in the house of some friend of mine they never knew.

В.Набоков «Память, говори» в переводе С.Б.Ильина:

Я встречаюсь с ними без удивления, в обстановке, в которой они никогда не бывали при жизни, – например, в доме у кого-то, с кем я подружился потом.

Помимо существительного *местах*, союза *и* и ограничительной частицы *только* мы находим замену существительного *человека* на местоимение *кого-то*, кем- на союз *которого* и глагола *познакомился* на глагол *подружился*. Семантическое поле глагола «знакомиться» при этом не соответствует семантике глагола *дружить*.

Обилие подобных примеров в совокупности со всеми вышеперечисленными факторами не позволяет называть текст С.Б. Ильина переводом. Переводчика в данном случае можно назвать автором совершенно нового текста, в котором накладываются друг на друга два уже существующих варианта, принадлежащие В.Набокову, и привнесения С.Б. Ильина. Подтверждением данного предположения являются комментарии к данной работе, данные С.Б. Ильиным в интервью Интернет-изданию «Русский журнал» [4], где он называет свою работу не переводом, а «реконструкцией». Он говорит, что «сознательно обращается к предшествующей английскому тексту русской версии мемуаров и заимствует у В.Набокова как создателя русского текста определенные языковые элементы, которые по возможности включает в свой текст».

Литература

1. Набоков В. Другие берега. Автобиография, рассказы, стихотворения.-
2. СПб.: Азбука-классика, 2006.- С.5-225.
3. Vladimir Nabokov. Speak, memory: an autobiography revisited. New-York: Vintage international, 1989.
4. Набоков В. Память, говори. http://www.vladimirnabokov.ru/speak_memory02.htm.
5. Интернет-издание «Русский журнал», №17. http://old.russ.ru/krug/20020801_kalash.html